

810/к2

к91с.

ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ КАЗАХСКОЙ ССР

М. С. СИЛЬЧЕНКО

**АБАЙ
БЛАСИК
КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

СТЕНОГРАММА ПУБЛИЧНОЙ ЛЕКЦИИ

КАЗОГИЗ

АЛМА-АТА

1949

ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ КАЗАХСКОЙ ССР

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕН ОБЩЕСТВА,
КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
М. С. СИЛЬЧЕНКО

А Б А Й
К Л А С С И К
КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СТЕНОГРАММА ПУБЛИЧНОЙ ЛЕКЦИИ

КАЗАХСКОЕ ОБЪЕДИНЕННОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЛМА-АТА — 1949

Кочевья Тобыкты — одного из племен Аргын, Среднего жуза раскинулись среди бескрайних просторов Сары-Арка (Центрального Казахстана). Здесь в живописных, окаймленных горами Чингиса, урочищах Ак-Шохи и Жидебай родился и провел свою жизнь выдающийся казахский поэт и общественный деятель Абай Кунанбаев.

Детство поэта протекало в ауле отца.

Впечатлительный мальчик был невольным свидетелем жутких сцен, характерных для байско-феодальной жизни. Межродовая вражда, барымта, борьба за выгодные должности являлись предметом забот и стремлений баев, биев, аксакалов. Муллы и хаджи, опираясь на коран, шариат, внушали похорность кедеям и жатакам (бедноте, трудовой части аула) и освещали права феодалов на владение скотом, пастбищами, людьми.

Если и появлялись в ауле Кунанбая предметы домашнего обихода, связанные с русской колонизацией (промышленные изделия), то только потому, что они были удобнее и дешевле. Если ладил Кунанбай с колониальной администрацией, то потому, что знал силу царизма и русской буржуазии. Правоверный мусульманин, он стремился сохранить все традиции патриархально-феодальной жизни и, опираясь на поддержку колониальной администрации, сохранить свои привилегии, регламентированные неписанным обычным правом.

Тяжелые впечатления детства Абая скрашивали его мать Улжан и бабушка Зере. Из уст Зере Абай рано уз-

нал лучшие произведения казахского народного творчества.

Десятилетнего Абая отец отдал учиться в Семипалатинское медресе Ахмет-риза — муллы.

Семипалатинск шестидесятых — восьмидесятых годов XIX столетия был значительным торговым и административным центром. Сюда съезжались купцы из разных мест России. Здесь совершались обменные сделки: мясо, сало, шерсть, кожи — продукты аульного животноводства — обменивались на чай, мануфактуру, иголки и иные промышленные товары, завозимые купцами.

Здесь русскими политическими ссыльными были основаны этнографический музей и библиотека.

Городская жизнь манила Абая своей новизной, но устав медресе религиозно-мусульманского закрытого учебного заведения стремился оградить своих воспитанников от мирской жизни. Нудное заучивание исламского вероучения, обязательное совершение обрядов тяготили Абая однообразием. Ученнические годы скрашивались только чтением классиков арабской и иранской (персидской) литературы Фирдауси, Низами, Физули.

В ранних подражательных стихах Абай просит этих поэтов помочь ему — начинающему автору.

Немногие из ранних стихов Абая до нас сохранились и по ним трудно судить, как далеко зашло бы увлечение поэта восточным средневековым. И не классический восток, а русская литература сыграла позже решающую роль в создании Абаем нового реалистического направления казахской литературы.

Систематическим чтением русских книг Абай займется позже, а восьмидесятые годы, когда поэтическое творчество станет неотъемлемой частью его общественной деятельности и когда он ежегодно будет проводить зимние месяцы в городе.

В бытность же учеником медресе Абай сделал первые робкие шаги к русскому просвещению и языку великого народа. Вопреки уставу медресе, он поступил в русскую школу, но учился в ней недолго.

По требованию отца Абай оставил обучение и возвратился в аул, когда ему исполнилось тринадцать лет. Кунанбай намеревался подготовить сына к участию в его делах по управлению родом. Незаурядные способности

сына, его ораторские данные и знание поговорок, изречений биев и других видов устного народного творчества вскоре сделали юношу весьма популярным в среде окружавшей отца феодально-родовой верхушки тобыктинского рода. Для самого же Абая это участие в отцовских делах помогло накопить большой практический опыт и знание сложных, подчас запутанных общественных отношений в казахском ауле того времени.

Когда Абай с 1875 года вступил в исполнение обязанностей аркатского волостного управителя, он был достаточно подготовлен, чтобы действовать согласно своим убеждениям, пресекая межродовую вражду, раздоры, барыамту, взятки.

Семипалатинская администрация, рассчитывавшая в лице Куланбая увидеть обычного «болыса» (волостного), действовавшего по указке властей, была разочарована. Абай стал на защиту зависимой части аула, боролся с захватом угодий и скота, требовал от феодалов гуманного отношения к пастухам, аульной прислуге, сторожам, работникам, обслуживавшим зимовье и кочевки. Честным и неподкупным отношением к обязанностям волостного Абай вызвал недовольство среди казахских феодалов и их приспешников. По доносу некоего Бурабаева было открыто в 1883 году следственное дело по обвинению Абая в превышении власти и злоупотреблениях по должности. Однако проски врагов не имели успеха. Дело за отсутствием улик было прекращено.

В ту пору Абая исполнилось 30 лет. Годом-двумя ранее между ним и отцом произошел окончательный разрыв. Порывая с Куланбаем, Абай порывал с традицией «отцов», становился окончательно на путь «детей» — новой казахской интеллигенции, ряды которой формировались по преимуществу из той же феодально-байской среды. Для молодого поколения казахской интеллигенции 80 — 90 гг. прошлого столетия было ясно одно, что капитализм, проникший в аулы и города Казахстана, основательно расшатал, но до конца не уничтожил патриархально-феодальный строй и феодально-родовые отношения в казахском обществе.

В отчете Семипалатинского генерал-губернатора за 1886 год упоминалось о бедняках-киргизах, которые ра-

ботали по найму в Калбинских приисках или на сельскохозяйственных работах в Томской губернии.

В памятной книжке Семипалатинской области за 1901 год при характеристике социально-экономической обстановки Центрального Казахстана подчеркивается все возрастающая роль денег, рынка и все усиливающаяся борьба богатых и бедных, т. е. баев и зависящих от них жатаков, кедеев, малыш.

Естественно, что наиболее предприимчивые феодалы становятся на путь промышленной перестройки своих владений. Такими, например, Мусины — семья крупного феодала Мусы Чорманова, владельца крупных мукомольных и других предприятий. Крупные предприятия, принадлежащие казахской и татарской буржуазии и эксплуатировавшие труд казахских кедеев были и в Акмолинске, и в Семипалатинске, и в Павлодаре, и в Кокчетаве, и в Петропавловске.

При этом, естественно, что в самих казахских аулах новые капиталистические элементы вполне уживались с феодально-родовым строем. Царизм с его политикой «разделяй и властвуй» намеренно поддерживал вековую отсталость аула, так легче было выкачивать из него сырье для колониальных рынков. Под предлогом уважения к национальным особенностям казахского народа намеренно поощрялась деятельность мулл, религиозное образование, избыточность волостных управителей, фактически являвшихся чиновниками-ставленниками колониального аппарата. Из среды получивших русское образование сыновей баев формировались кадры писарей и переводчиков — усердных слуг административного аппарата. И все же стягивание колониального Казахстана в общий процесс промышленного развития России являлось прогрессом по сравнению с отсталой феодально-казахской степью.

В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» писал о ломке «старых форм жизни» под влиянием быстро развивавшегося во второй половине XIX века в России капитализма, как о прогрессивном явлении.

О роли и значении России для развития бывших царских колоний писал и Энгельс: «Россия по сравнению с Востоком действительно прогрессивна. Русское господство было цивилизующим для Черного и Каспийского

морей и для Центральной Азии, для башир и татар»¹ — читаем мы у Энгельса.

Наиболее передовая часть казахской интеллигенции, к которой принадлежал и Абай, принимала это прогрессивное значение России для казахского народа, стремилась содействовать дальнейшему сближению с Русской и русским народом. Но в среде казахской интеллигенции не было и не могло быть в тех условиях единства. Стремясь идти «с веком наравне», представители казахской интеллигенции поступали в высшие учебные заведения, в Омский и Оренбургский кадетские корпуса, печатались в местных газетах, организовывали любительские драматические кружки, открывали в аулах школы. Но для одних образование являлось средством получить чин, занять выгодную должность, сохранить байско-феодалные привилегии, для других же, как Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, Абай Куныбаев, — школа, печать, литература, культура и просвещение в широком смысле слова были их национальной платформой.²

Хотя казахи в XIX веке не сложились в нацию, не проходили стадии капиталистического развития, однако, как народность, они имели и свой язык, и свою литературу, искусство. Для казахского народа вовлечение в общее русло высшей культуры, какой являлась в XIX веке русская культура, означало сохранение народных ценностей и духовных богатств от посягательства на них клерикальных элементов, феодально-байских элементов, а несколько позже и буржуазно-националистических элементов, поддерживаемых царизмом.

В работе «Марксизм и национальный вопрос» товарищ Сталин пишет: «Национальный вопрос на Кавказе может быть разрешен лишь в духе вовлечения запоздалых наций и народностей в общее русло высшей культуры».³

Для казахского народа периода колонизации являлась такой «высшей культурой» именно русская культура, культура, «характеризуемая именами Чернышевского

¹ Маркс и Энгельс, «Письма», 1932, стр. 52.

² Н. В. Сталин, Сочинения, т. 2, стр. 351.

и Плеханова»¹ культура народа, с которым исторически сплелась судьба казахов, как народности.

Призывая учиться у русских, ставя в пример Льва Толстого и Салтыкова-Щедрина, творчески восприняв гениальные создания русских классиков и обогатив ими родную литературу, Абай отражал свой век, оставляя позади не только таких акынов, как Мурат, Шортамбай — певцов отсталого патриархально-феодалного аула, но и новое поколение в литературе. Представители этой новой литературы выступали в «киргизской степной газете» и других органах со статьями, фельетонами, поэмами о преимуществах земледелия, о необходимости образования, печатались в казахских издательствах, ставили, таким образом, весьма злободневные вопросы, но не порывали ни с клерикализмом, ни с идеологией колонизаторской буржуазии, перекликались с пантюркистами Исмаилом Гасприновым, Девлет-Кельдеевым, Мурзой Алимом и др.

Стремясь и в личном быту, и в жизни зависевших от него родичей и обелуживавших людей возможно полнее осуществить принципы разумности и целесообразности, дать некоторый простор для развития личной инициативы, что было новым и противоречило феодально-родовым отношениям, Абай устанавливал строгий распорядок дня, определял для каждого члена семьи или обелуживающих его дом четкий круг обязанностей, требовал отчета в выполнении порученного, побуждал перенимать лучшее у других народов и вводить это лучшее в быт тобыктинцев.

Так, например, были заменены тяжелые и неудобные тобыктинские седла «черкесскими».²

Абай порывал с обрядностью и религиозно-бытовыми обычаями. Он не совершил положенного аса (годовых поминок) по своему отцу Кунанбаю, чем вызвал недовольство клерикальных кругов.

Машур Жусуп Копеев в «Особом прибавлении к Акмолинским областным ведомостям»³ выступил с резкой по этому поводу статьей. «Почтенному Ибраю,

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. XVII, стр. 143

² Из воспоминаний Архама Исхакова. Записано в 1948 г.

³ № 48, 1889 г.

как стоящему во главе своего общества и имеющему большое состояние, удостоенное даже стать предметом поэтического творчества, следовало бы согласовать свои поступки и деяния с тою репутацией и мнением, которые распространяют о нем молва, печать и проч.» — писал Копеев.

Для Абая, встававшего обычно в 8 часов утра, важней традиционного «сәлемә» было как можно скорее узнать, что сделали за прошедший день дети, ученики, их друзья. Он проверял каждого в отдельности, потому что и задание обычно давал строго соотносясь со способностями и склонностями каждого. «Мне самому, — вспоминает племянник поэта Архам Исхаков, — Абай дал задание прочесть один рассказ из «Тысячи и одной ночи», Абубакиру (сын Абая) разучить на домбре хүй (мелодию), Катпа Корамжанову стихи и т. д.

Поэтам своей школы Абай также давал задания, соотнося их индивидуальным склонностям и способностям, воздействуя планомерно на развитие их таланта. Обычно же молодой акын от своего учителя перенимал вместе с мастерством импровизации традиционные темы, сюжеты, образы и поэтические общепринятые места.

Дань традиции отдал и Абай. Биографы поэта отмечают его интерес и любовь к акынам старшего поколения, такие, как, например, айтқыс с поэтессой Куландык. Однако не традиционность, а новаторство, преодоление традиций с помощью русской литературы — основное в творчестве поэта.

Общение Абая в ауле отца с акынами и знатоками устного народного творчества, участие в разбирательствах дел и в различных семейно-бытовых и народных празднествах, друзья поэта — все это обогащало его ранние представления о народном творчестве, полученные от бабушки Зере. В пору своей юности Абай особенно любовно воспринимал лирические народные песни, а также песни профессиональных акынов — лириков Акан-сере, Биржана. В ауле Кунаубая эти песни распевались молодыми людьми, побывавшими на Куяндинской ярмарке или в Каркаралинске.

Абай отлично знал значение и место лирической песни в жизни казахов. В одном стихотворении 1888 года поэт называет песню вечным спутником радостей зем-

ли», напоминает о «Бет-ашар», «Жар-Жар» — сздебных песнях, о песнях, сопровождающих рождение, смерть и другие значительные события в жизни человека.

«В песне мудрость предков нам сохранена» — подчеркивает Абай традиционность народного песенного творчества.

Народность на всем творческом пути Абая являлась сеновкой, характерной особенностью его поэзии. Но содержание этого понятия не осталось неизменным.

В начале более чем двадцатилетней литературно-общественной деятельности поэта народность его произведений определяется самой непосредственной связью с устным народным творчеством, традиционностью его образов и художественно-поэтических средств. С 1886 года, под влиянием Пушкина, Лермонтова, Белинского и других классиков русской литературы, народность творчества Абая принимает то качество, которое определено В. Г. Белинским, как «живое общественное и глубоко-национальное направление литературы своего отечества», постановка и разрешение самых живых современных национальных вопросов», как воплощение «настоящего и будущего в художественной жизни... отечества».

Творчески освоив гуманизм и демократический характер русской классической литературы, далекий от подражательности и эпитонства, Абай определил и народное творчество и своих современников-акынов.

Абай сумел поставить многие вопросы, касавшиеся будущего своего народа, показать пути его прогресса. На страницах газет¹ казахской интеллигенцией того времени горячо обсуждались вопросы земледелия, оседлого образа жизни, просвещения, литературы. Но постановка этих вопросов носила узко-практический прикладной характер и ограничивалась задачами современного состояния казахского аула. Более того, значительная часть авторов выступала с открытой защитой феодально-байских интересов. Иное отношение к тем же вопросам было у Абая.

Перефразируя слова Белинского о Пушкине, мы можем сказать, что Абай, «работая для настоящего, приго-

¹ Например, «Киргизская степная газета», «Акмолинские областные ведомости», «Тургайская газета», «Оренбургский листок» и др.

товляет будущее». В своих стихах и прозе он критически оценивал действия аульной и колоннальной администрации (уездные и волостные), разоблачал взяточничество, лесть, подхалимство, невежество, раскрывал клерикальный, антинародный характер многих из представителей современной ему литературы (Поэты-книжники). Ведущая идея творчества Абая — идея прогресса, понимаемого им, подобно русским революционным демократам Белинскому и Чернышевскому, как широкое и всестороннее развитие личности, индивидуальности, на основе промышленного прогресса и просвещения. Правда, Абай, в отличие от русских революционных демократов, не знал к коренной революционной перестройке казахского аула и к свержению существующих властей. Критикуя служителей религии, он не стал и атеистом. Но понимание Абаем роли труда, знания, искусства, общения между народностями России и учебы у русского народа, опирающееся на передовую мысль русских революционных демократов, являлось работой в настоящем ради будущего, ради будущей консолидации казахского народа в нацию. В условиях сохранения патриархально-феодалного строя эта консолидация не могла произойти и осуществлялась только благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции в нашу эпоху.

В стихотворении «Поэт» Абай в следующих словах выразил свое, подсказанное идеями русских революционных демократов, понимание задач литературы в историческом прогрессивном движении народа от отсталых форм его жизни, понятий, интересов к более передовым, демократическим, связанным с развитием экономической и духовной жизни народа.

«Тогда поэт, опоясавшись, взглянет вперед и назад, смеет мирскую грязь и как ястреб, смотря вдаль, скорбь и печаль возьмет в свои руки (сдержит). Гневаясь, он бросится стремительно на невежд и обидчиков. Справедливости и разуму отдаст на суд (все, что видит и чувствует) и все, что ему подскажут раздраженное сердце, нервно-возбужденная рука, ядовитые чернила, острый язык (выразят), что написано, так и есть, не ищите вам — как хотите».

Поэт должен подняться выше интеллектуального уровня рядовых людей. Он должен быть свободным и

независимым от богатых и знатных. Его святая обязанность — указать народу путь в будущее. Поэт — справедливый судья и умудренный жизнью учитель — так Абай понимает задачи поэтического искусства. В то же время он решительно выступает противником певцов, приближенных к ханам и баям, воспевавших только прошлое, слагавших гимны Мухаммеду и его потомкам, торговавшим своей совестью и песенным даром.

В борьбе со старым традиционным представлением о поэтическом искусстве, как таинственном чуде, сверхъестественной магической силе, Абай утверждал новое понятие искусства, как «мастерство и правда», как «плод сознательной мысли» (Белинский), как результат «труда и вдохновения» (Пушкин).

Сохраняя привычное казахскому народу понятие акына, Абай по-новому его осмысляет.

Поэт сохраняет связь с традиционным мастерством акына-импровизатора, так как этот тип певца был широко распространен в условиях кочевого быта казахов. Эта связь особенно заметна в стихотворениях, темами которых являются народные развлечения («Охота с беркутом», 1882 г., «Белый люб-серебро», 1884 г.), обычаи, морально-этические и эстетические понятия. К традиционным приемам Абай прибегает в целях большей доходчивости стихов — песни, прочно вошедших в быт и народный репертуар, например, «Обращение жигита» и «Ответ девушки», 1889 г.

Некоторые стихи поэта, написанные в начале 80-х годов, до систематического изучения им русской литературы, еще близки по своим традиционным приемам к искусству импровизации. Таковы, например, стихотворения: «Жаксылыху» (1880 г.), «Кокпаю» (1886 г.), «Назару» (1887 г.), «Кулембаю» (1888 г.) и др.

В этих стихотворениях метко схвачены Абаем погрешности Жаксылыка, слезливая сентиментальность Кокпая, клеветничество Кожекпая, захватнические повадки Назара, честолюбие и фальсификация Кулембая — характерные черты людей, воснигывавшихся при байских кочевках или приближенных колониальной администрацией. И традиционные «Мактау» — похвальные стихи обращения к ханам или баям становятся смелой сатирой Абая, принимают новую социальную функцию подобно

аналогичным стихам — импровизациям Джамбула и других подлинно народных акынов (пример: песни Джамбула «Шалтабаю», «Калы», «Манке» и др.).

Подобно акынам-импровизаторам Абай свои обращения сочинял тут же в присутствии изображаемого лица, а сейчас же, прочитав, отдавал ему написанное. Точно две традиции соединялись при этом воедино: устная поэма-импровизатора и письменная поэта.

Связь с казахским народным творчеством, в особенности обрядовой — лирической песней, Абай сохранял, конечно, и в пору, когда его творчество испытывало влияние русской литературы. Но и эта связь также менялась, принимала новые социально-художественные функции.

В произведениях «Охота с беркутом», «Белый лоб-серебро», «Обращение джигита», «Ответ девушки», широко используя народную символику, народные метафоры и эпитеты, Абай оставался и на уровне народного понимания красоты, радости и полноты жизни, народно-массового социально-морального кодекса. В этом, именно, народно-песенном осмыслении Абай в стихотворении «Охота с беркутом», пользуясь символикой народной песни и народного обряда, сравнивает тоединок беркута и лисы с первой брачной ночью молодых. Также традиционные и встречающиеся в свадебной песне метафоры «беркут черен», «лисица красна», а «снег ослепительно бел», взятые в этом стихотворении Абаем.

Серебряный лоб, полукруг бровей, облик юной луны, точеный нос, румянец щек, ожерелье жемчужных зубов, смех подобный трели солосъзя, выгиб точеных плеч, тростниковый стан, смоляные косы — таков традиционный портрет красавицы и в стихотворении Абая 1884 года и в народной песне в собрании Т. А. Сейдалиным и С. А. Джантариным. Ряд тридцати зубов подобен низанному жемчугу; тело твое белее и чище осеннего снега; в выходящих из уст твоих словах заключается врачевание больному сердцу; алою розою горят твои лалиты, отнимаемые кудрями черных волос; безвыходно впечатляются в душу произнесенные тобою слова; как ление соловья в саду.¹

¹ Записки Оренбургского отд. Императорского Русского Географического Общества, вып. III, Оренбург, 1875, стр. 294.

Те же преобладающие внешние впечатления красоты, описываемой при помощи традиционных народно-поэтических приемов, содержатся в «Обращении джигита» и «Ответе девушки». Здесь опять и «пьянящий запах кос» и «пожар губ», «смак бездонных глаз» и, наконец, параллелизм — боевой сокол, настигающий фазана, и молодой жигит, покоряющий свою возлюбленную.

Н. Рамазанов еще в 1914 году писал о внимании и повышенном настроении слушателей, когда певец исполнял песни об «Охоте с беркутом» или о красоте женщины и природе любви, отмечая этим доходчивость, близость этих песен психологии народных масс.

Не внешняя красота, а внутренние переживания, не слепая страсть, а глубокое чувство привлекают Абая, когда он читает роман Пушкина «Евгений Онегин» и затем воспроизводит творчески образы героев этого романа — Онегина и Татьяны. И даже в тех случаях, когда Абай в изображении пушкинских героев отдавал дань традиции, он делал это с целью приближения далеких казахам героев к их пониманию русского романа. Сама народная символика в письмах Онегина и Татьяны у Абая служит уже не средством изображения внешне привлекательных красоты, силы, мужества, но содержит в себе внутренний мир, переживания героев. Абаевская Татьяна называет Онегина французским жолбарсом, а себя серной, терзаемой его когтями, и в этой традиционной народной метафоре читатель или слушатель «Письма Татьяны» узнает равно утратившего лучшие чувства надломленного жизнью Онегина и мучимую его холодностью Татьяну.

Называя Татьяну спелым яблоком и алым цветком, Онегин лишь резче оттеняет цельность чувства, душевную привлекательность, внутреннюю красоту героини в противовес своему разочарованию в жизни и преждевременной старости и опять традиционные художественные образы у Абая предстают в новой художественной функции.

Народно-поэтические средства помогали Абаю придать национальный колорит поэмам для казахской литературы характерам, взятым им из Пушкина. Абая меньше интересовали в героях русского романа черты, связанные с их дворянским происхождением и воспитанием,

черты, отличающие в них людей различных по положению слоев дворянства. Пушкинские герои воспронзены Абая с тем общечеловеческим гуманным содержанием, которое у великого русского поэта раскрылось в них как русских национальных образах, у казахского поэта — в казахских.

Абаевская Татьяна признается Онегину, что любит его, не знает, как ей поступить, что ее «неизреченное» сердце не знает покоя, называет Онегина господином и властелином (у Пушкина — «до гроба ты храниТЕЛЬ мой»), просит разрешить загадку ее сердца (у Пушкина «мои сомненья разреши»), в отчаянии не в силах «колеять» стыда и страха переживаемого ею (у Пушкина «стыдом и страхом замираю»).

Ответное письмо Онегина Татьяне у Абая полнее, больше, чем у Пушкина; оно должно вместить почти все характерные черты героя, раскрывающиеся в русском романе не только в признаниях Онегина, а и в авторской характеристике, в многочисленных сценах, картинах, эпизодах, рисующих героя то в столице, то в деревне, то в домашней обстановке, то в общественных местах.

Абаевский Онегин пишет Татьяне, что он ей не пара, что его жизнь холодна и туманна, переменчива, как осенние дни. Онегин ощущает себя застывшим и оледеневшим и его «жестокое сердце» не тронет любовь Татьяны. Эти черты героя у Пушкина раскрываются в различных местах романа и не раз — от лица самого автора. И Абай считал нужным для Онегина, более далекого по своему социальному характеру казахской литературе, чем Татьяна, героя, дать отдельную характеристику, продварив ею переписку с Татьяной (Первое письмо Татьяны, Ответ Онегина Татьяне, Второе письмо Татьяны и Второе ответное письмо Онегина).

Творческое переложение Абая романа Пушкина «Евгений Онегин» было приближением казахской литературы к тому новому для нее методу, сущность которого — раскрытие законов общественной жизни, выражение, осуществление в изящных образах современного сознания, современной думы о судьбах и цели жизни, о путях человечества» (Белинский).

Пушкинско-абаевская Татьяна и Онегин с их внутренней жизнью, миром душевных чувств и переживаний,

е их темой личного достоинства и чести — не только новые образы в казахской литературе. Это и новые люди в казахском обществе. Их было мало, может быть единицы, десятки. Но их протест против позорных феодально-родовых обычаев, борьба за минимальные человеческие права были борьбой против байско-феодального средневековья.

А. Е. Алокторов в «Астраханском вестнике»¹ напечатал под заглавием «Киргизский роман» рассказ о девушке Майдане, полюбившей русского и бежавшей с ним из родительского дома вопреки желанию отца отдать ее замуж за нелюбимого жигита Калай-Кандая.

Творческим воспроизведением героев романа «Евгений Онегин», как и всей последующей работой по переводу произведений Лермонтова, Крылова и созданию, под влиянием русских классиков, своих оригинальных произведений, Абай пролагал для казахского народа широкую дорогу к общественному прогрессу.

В творчестве Пушкина и Лермонтова Абай черпал оптимистические, жизнеутраждающее начало, глубоко действенную мысль, стремление проникнуть в суть общественных отношений и миропонимания. Переводы стихотворений Лермонтова — «И скучно, и грустно», «Молитва», «Бородино», «Еврейская мелодия», «Не верь, не верь себе, мечтатель молодой», «Горные вершины», «Планный рыцарь», «Дума», «Книжал», «Дары Терека», «Парус», «Утес», «На буйном пиршестве задумчив он сидел», отрывков из «Демона», «Вадима», близкие к оригиналу, сохраняют особенности мирозрения и творчество русского поэта, его «гром и негодования, грозу духа, оскорбленного позором общества», «несокрушимую силу» характера и «богатырскую силу в выражении» (Белинский).

Многие из оригинальных произведений Абая, написанные в 90-е годы, созвучны Лермонтову глубоким проникновением в суть все более и более обострившихся противоречий в казахском обществе, гневно-протестующим отношением к пережиткам феодального средневековья, мужественности чувством ответственности за свое поколение интеллигенции перед потомками. Таковы, на-

¹ 1893 г. № 13.

пример, стихотворения Абая: «Я гордо презирал невежество и тьму» (1891), «Ты, душа, терзаешь меня, ищешь повсюду мою мечту» (1892), «Я много мудрых слов сказал до этих пор...» (1895), «Грядущее скрыто туманом от нас...» (1897) и многие другие. И не отдельными творческими приемами или идейными мотивами Абай оказался созвучным Лермонтову, а всем своим обликом поэта, всем существом своего поэтического дара. Горько сожалел об «угасшем пламени юности», о невозможности «открыть свою душу», о молодежи «торгующей совестью и честью», о страхе, кому «первому поднесут баранью голову «дар», но не спасут его головы, размышляя «о миге успешном благе и непоколебимом зле», о текущей, спешащей, как часы — минута за минутой, жизни — Абай не перефразировал Лермонтова и не подражал ему. Он лишь по-лермонтовски сумел отдельные факты, острые болезни времени, представить в свете важнейших исторических идей и перспектив.

В то же время современники Абая акышы Дулат, Шортамбай, поэты-книжники, видя и предавая суду литературы те же самые болячки и язвы казахского общества, расценивали их, как следствие колонизации, с реакционных исламистских позиций, деля народы на правоверных мусульман и неверных кяпиров.

Созвучные лермонтовским мотивы воспроизводилась Абаем в образах, близких казахской действительности и поэтическими средствами казахского языка. Но новизна этих мотивов для казахской литературы и их постановки дали толчок поискам Абая новых жанров и новых форм стихосложения. Многие стихотворения Абая 90-х годов, подобно стихам Лермонтова, являются политическими памфлетами, элегиями или во всяком случае приближаются к этим жанрам. Однинадцать новых, не существовавших ранее стихотворных форм увел Абай в обиход казахской поэзии, приблизив ее к силлаботонической системе русских классиков (народному казахскому творчеству и акынам-предшественникам Абая была присуща силлабическая система, характерная своим постоянным количеством слогов в стихотворной строке от 7 до 11 с постоянными ударениями).

Новаторством Абая явились и реализм его стихотворений в времена года, отрывающихся широко извест-

вым произведением «Лето» (1886). Следуя реалистическому методу Пушкина и Лермонтова, Абай в стихотворениях о временах года показал характерные картины и сцены из жизни казахского аула в восприятии их прогрессивным, передовым человеком его времени.

«Лето»,—это не только изображение джайляу Абая на живописных берегах реки Баканас, но и отношение его к социальной действительности. «Тучные шелковые травы», душистые цветы, ржание коней, жеребят, утки и лебеди — все эти признаки оживающей летней природы лишь резче оттеняют противоречия жизни бая, его аула — полной довольства и изобилия и обслуживающей его бедноты. А противопоставляя надменного и цванливового бая унижающемуся перед ним и занекивающему аксакалу — старику, еще полнее раскрывает смысл стихотворения, в котором джайляу — летнее камевье послужило темой, воплотившей гуманно-демократические идеи автора.

...Аксакала томит педуг,
Жизнь прошла, не вернешь назад;
Байским шуткам издалека
Вторит старческим смехом он...
Только бай к его смеху глух...

Эту концовку «Лета» не напечатала «Киргизская степная газета», обозвав стихотворение живописной этнографической сценой соколиной охоты.

За пределы этнографического произведения выходит и стихотворение «Зима», написанное Абаем по поводу джута 1884 года. Джут — губительное бедствие, связываемое часто в народном представлении с злополучными годами (например, Коян-жыл, или год зайца по старинному летоисчислению), изображается Абаем реалистически как естественное явление суровой природы степи, требующее от людей воли и готовности к борьбе.

Конь разбить безуспешно пытается лед,
И голодный табуу еле-еле бредет.
Скалит жадную пасть волк — союзник зны.
Пастухи, день и ночь сохраняйте скот!

Угоняйте на новое место табуи,
Не поспав, не умрешь, надо быть посмелей!
Все же лучше, чем волк, Колдыбай и Конай,¹
Деду мы не дадим провать сред степей.

В стихотворении «Ноябрь — преддверие зимы» еще резче выражена мысль о тяжелой доле бедняков и необходимости внимания к труженникам аула:

Богатый бай, не будь скупцом, убийцею не будь,
Хоть эту зиму прокорми детей и стариков!

Характерно, что многочисленные воспоминания стариков, обслуживавших аул Абая при его жизни, создали образ поэта-печальника о бедных, о родичах и одноаульцах и пастухах, работниках, стариках и т. п. и совершенно забытыми в этих воспоминаниях оказались патриархально-феодалные пережитки, замеченные ссыльным народником Н. И. Долгополовым, другом Абая, прямо и резко говорившим Абаю о них.

Из всех произведений о временах года, пожалуй, стихи, посвященные весне, наиболее этнографичны и полнее других передают психологию кочевника. Абай обычно тоже беспокойно переживал весеннее пробуждение природы. Рано, чуть сошел снег, расставлялись в его ауле юрты, выгонялся скот на пастбища, резвилась молодежь. И в стихах о весне — мифологические образы невесты-земли и солнца-жениха. Земли вскормленной материнской грудью, солнца, сходящего «в свой повитый закатом шатер золотой» — живая связь с народным творчеством и миропредставлениями кочевника. Пробуждающаяся природа, зовущая человека к труду, радостям, любви — также ведут к народному творчеству, лирическим песням. Эта близость и созвучие тем, образов и лирической настроенности служили нередко причиной перехода стихотворения в народный песенный репертуар. Примером может служить стихотворение И. Алтынсарина «Весна», опубликованное как народная песня И. Лаптевым в «Образцах» народной словесности без указания автора. Об исполнении абаевского «Лета» сообщал еще в 1914 году Н. Рамазанов. И уже в наши дни, в 1947 году за-

¹ Соседние аулы.

писаны три варианта этого же стихотворения в Баянауле.

Народ сохранил в своем репертуаре стихи Абая о Лете и Весне, как сохранил до наших дней народные развлечения, игры, музыку, сопровождая ими теперь революционные празднества и тон, связанные с успехами социалистического соревнования, победами в промышленности и сельском хозяйстве или революционными памятными датами.

Разумеется, могло сохраниться в народном песенном репертуаре лишь то, что созвучно нашим дням и нашему мироощущению. Стихотворению Абая «Весна», тесно связанное с народной поэзией и мифологией, по-прежнему представляет важнейшие социальные темы, характерные не только для эпохи колонизации, но и последующих предреволюционных лет.

Абай в реалистических тонах изображает противоречия базиса и бедноты, хозяев и работников и видит такие новые прогрессивные явления в степи, как «пахота и посев».

На верблюдах товары привозит кунец,
У хозяев двоятся отары овец,
Тяжек труд у крестьян—пахота и посев,
Но земля им сторшней воздаст под конец.

Эта картина, органически связанная со всеми мотивами стихотворения «Весна», еще раз показывает благотворное влияние Пушкина, его лирики природы на Абая.

Подобно тому, как Пушкин поэтизировал картины «низкой природы» — «крестьянина на дровнях», «ямщик в тулупе», «дворовой мальчик», «шумящие стада», «сельскую тишину», «пору тепла, цветов, работ» (в романе «Евгений Олегины»), полемизируя с условным пейзажем романтиков, и Абай выступал в казахской поэзии творцом новой лирики природы, привлекаемой не внешними, бросающимися в глаза красками, а внутренней жизнью, связывающей в едином процессе трудового общения и человека и природу.

Важнейшие социальные проблемы современности и исторические пути казахского народа, как идейно-тематическая основа творчества Абая, определили и прогресс-

сивный новаторский характер его дидактических и сатирических произведений.

Характеризуя задачи поэзии, Абай писал:

Мастерство и правда — и этом цель неваж,
Чтоб раскрыть не только очи, но сердца,
Дать примеры юным, просветить невежд.

И сам поэт широко использовал стихи, песни в своей просветительской деятельности. Вокруг Абая собирались старики, взрослые, дети его аула. К нему стекались казахи отдаленных уездов Семипалатинской и смежных губерний. Абай давал советы, разрешал тяжбы. И нередко в стихах и баснях он едко высмеивал раздоры, междоусобную борьбу, невежество, лицемерие и другие социальные пороки или же в художественных образах рисовал свой идеал нового человека.

Уже в ранних стихотворениях Абая мы встречаем советы родителям обучать своих детей, чтобы воспитать в них чувство человеческого достоинства и развить их природные способности.

Обучение детей — наш долг прямой.
Сына отдал в медресе — «Расстаться с тобой!»
Не затем, чтоб сын мой нажил чин большой.

(1885)

Призыв к труду, осуждение лени, тупой покорности, самохвальства — основная тема и другого стихотворения, очень популярного размышления Абая о подошедшей незаметно старости.

Трезвым будь, учись владеть собой,
Лишь бездарный уживается с судьбой:
Нет в нем жара, мысли немощны его,
Прозябает он в покорности тупой.

(1886)

Байскую жадность, взяточничество волостного и бия и сутяжничество сотенного Абай бичует и в последующем также популярном стихотворении на тему об уходящей жизни.

Метко схваченные картины жизни, характерные чер-

ты людей различных социальных категорий в этих стихах даны в форме лирических размышлений и восходят также к народному творчеству. Их непосредственность и простота, доступность восприятию слушателей обусловили переход в народный песенный репертуар. Как импровизации «на случай», эти лирические размышления Абая, новаторские по своей тематике и идейному содержанию, еще не переросли уровня устного народного творчества и творчества народных акынов, их дидактической и сатирической поэзии. Стихотворения: «Кулембаю» (1889), «Управитель начальству рад» (1889) и «Восьмистишья» (1889) — новый этап в развитии сатирической и дидактической поэзии Абая. В них и сатирический портрет управителя и лирический образ самого поэта воссозданы под влиянием русской революционно-демократической мысли, под влиянием некрасовской и щедринской сатиры.

В стихотворении «Кулембаю» поэт запечатлел целостный в характерных противоречиях облик волостного управителя, ставленника колониальной администрации, мучащегося между своими хозяевами и народом.

Управитель исправный он,
 Шумно хвастается всегда,
 Смех раскатистый у него,
 Голос грохает, и когда
 Он, случается, заговорит,
 То слова текут, как вода.
 Если входят к уездному он,
 То другим волостям беда...

 И к рукам весь народ потом
 Прибирать начинаю я.
 Сперва полегоньку, тишком,
 Против сильных не говорю;
 Их не тронув, в день за днем
 Безобидных травлю, но слегка...

Понимая, что вся острота этого стихотворения в некрасовском приеме саморазоблачения героя (сравним саморазоблачение у Некрасова кулака Наума; «Горе старого Наума» — Антихристовых, Шкурных в поэме «Современники» помещика Оболта Оболдуева и других

героев из поэмы «Кому на Руси жить хорошо»), и в типически обобщающем портрете управителя — Киргизская степная газета, печатая это стихотворение, передала его от третьего лица и выбросила все острые места.

Не саморазоблачением властного оно звучит, а нападением властному умело вести дела, чтобы и в следующих выборах собрать голоса. Редакцией сделано все, чтобы не оказался подорванным самый институт волостных управителей. У Абая же критика одного лица Кулембая содержит критику и всего института волостных управителей, который еще в 70-х начале 80-х годов казался ему вполне приемлемым.

После того, как Абай сам побывал в должности волостного и столкнулся ближе с администрацией — он понял самое существо этого института и сделал его предметом яркой социальной сатиры в 90-е и последующие годы своего творчества.

Девятистые годы были вершиной сатирическо-дидактического творчества Абая. После недолгого пребывания в должности волостного управителя Абай, не будучи официальным лицом, остается для своего аула, волости, для соседних и отдаленных аулов бием (судьей, знатоком обычного права). К нему обращаются за разбором тяжёбных дел, за советами и помощью.

Абай всегда в одни и те же определенные часы беседует со взрослыми и детьми. Этими беседами Абай воспитывал людей. Поэт подмечал и высмеивал покающую религиозность, уживавшуюся с тунеядством или конокрадством; неумеренное употребление мяса или кумыса, схоластические наукообразные споры и рассуждения.

Сила убеждений Абая и его авторитет были действительны. Так, например, под влиянием наставлений Абая и с его помощью промышлявший воровством Карамжан возвратился к честной трудовой жизни.¹

Очень большое впечатление у участников беседы оставило собеседование Абая с Даулетьяром Биттибаевым о превосходстве разума перед богатством. Абай Даулетьяру привел в пример остроумных и находчивых героев сказок «Жиренше-Шешена и Алдар Косе.

¹ Воспоминания Василии Жохуповой — вшучки Абая.

вплоть до наших дней. За Абая следовали переводчики басен Крылова И. Кубеев, Б. Утетлеуов и др.

На протяжении 1890-1898 гг. Абай написал сорок четыре изречения, объединяемых в общий цикл «Гаклина», или назидания. Все, что за те же годы поэтом было продумано и пережито, стало предметом его стихов, в этих изречениях дается в форме рассуждений, подкрепляемых примерами. Абай в своих изречениях создает свой новый гуманистический идеал человека. В «Гаклина» Абая ведущей мыслью является настойчивый совет — обучать детей, взрослым самим следить за наукой и развитием человеческих знаний; совет — не ограничиваясь скотоводством, стремлением к наживе, приобретать навыки промышленных производств, развивать таланты в творчестве и искусстве. Особое внимание Абай в «Гаклина» уделяет обучению детей русскому языку, как следующей ступени за изучением родного языка, и приобщению к русской культуре.

— Русские видят мир. Если ты будешь знать их язык, то на мир откроются и твои глаза.

— Человек, изучивший культуру и язык иного народа, становится с ним равноправным и не будет жить позорно.

— Узнавай у русских доброе, узнавай, как работать и добывать честным трудом средства к жизни.

В ряде изречений Абай резко осуждает патриархально-феодалные порядки и сложившиеся в обстановке феодально-родового строя «бытовые явления». Поэт осуждает межродовую вражду, распыленность, подсиживание друг друга, инертность.

— Мы друг с другом враждуем, друг у друга воруем, друг за другом следим и не даем друг другу сомкнуть глаза, хоть на мгновенье.

Нет у нас ни городов, ни людей, видящих мир.

В то же время Абай выражает в своих изречениях веру в силы своего народа и его стремление идти вперед.

— Настанет же день, когда среди казахов исчезнут воровство, сплетни, клевета, вражда и будем мы добывать добро и знание верным путем.

«Просветительство» Абая и его гуманизм в «Гаклина» связаны с резкой критикой мулл, ишанов, хаджей, с критикой мусульманства и даже бога, вознаграждающего

богатством клятвопреступников, туеядцов и лишаящего людей «которые часто трудятся и молятся... последней возможности прокормить жену и детей».

Но, критикуя мусульманство, как вероучение, Абай не поднимается до атеизма. Он признает бога и стремится сочетать веру и знание. В представлении Абая бог является началом всего существующего на земле, но от человека всецело зависят его поступки, и он не должен оправдывать верой или предопределением аморальные поступки и преступления. Человек — существо разумное и свободное и от него самого зависит его судьба.

Интерес Абая к популярным в исторических трудах мусульман философам, полководцам (Александр Македонский, Платон, Сократ, Аристотель) привел его в поэзии к созданию образа Искандера (Александр Македонский) и Аристотеля, а в «Гаклиа» образа Сократа.

Характерно, что все эти образы у Абая являются воплощением его основных идей — гуманизма и просвещения. Так, Аристотель полководцу и завоевателю Александру Македонскому (поэма «Искандер») советует умерить свою алчность и пыл завоевателя, заботиться о том, чтобы оставить по себе добрую память.

Ненасытность глаз у пших велика,
Все им мало, хоть мир весь держат руки,
Но умрут они — и для мертвых их глаз
Алмаз и сафир не ценнее песка.

И Сократ в «Гаклиа», раскрывая своему ученику Аристодиму, как целесообразно и стройно создан мир и как совершенна природа человека, оттеняет также значение человеческого разума, как орудия познания мира.

Однако и в образе Сократа, как в других изречениях, Абай ведет читателя к чисто идеалистической и религиозной идее бога, как создателя мира и человека, которому «человечество обязано высказывать свое повиновение». В «Гаклиа» воплощены также результаты изучения Абая произведений революционных демократов: Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

В наизданиях о посвящении, роли труда, о воспитании, о содружестве народов, о свободном человеческом разуме — основные мысли оформлены поэтом под влия-

нием революционных демократов. Уступки же Абая традициям и религии, его идеализм — следствие того, что он не мог порвать до конца связей с отсталым кочевым бытом и феодально-патриархальным строем.

В то же время большой заслугой Абая являлось то, что, будучи критиком религии кочевого феодализма — мусульманства, он являлся противником суфийской мистики и пантеизма и горячим пропагандистом разумного и деятельного человеческого начала.

«Гакляна» — Абая — документ, свидетельствующий и о том, что последователь Белинского и Чернышевского — казахский поэт не понял и не принял до конца основных принципов революционной демократии — сочетание социализма и демократии. Будучи демократом в широком значении этого слова, Абай в то же время, когда освободительное движение России вступило в свой третий рабочий революционный период и его отзвуки стали проникать в Казахстан, переживает большой духовный надлом. Этот надлом усугубляется и личными ударами — болезнью и смертью сыновей Магавы и Абдрахмана.

В стихотворениях второй половины девяностых годов нередко мотивы «беспощадной судьбы» («На смерть Абдрахмана» (1895), мысль об одиночестве и бегстве «За тридевять земель» (1896). В «Соболезновании себе» (по поводу смерти сына) появляется мотив примирения с Кунанбаем, оправдания его жестокостей и призыв «снести все удары судьбы».

Противоречия Абая вызвали нередко растерянность и двойственность отношения к нему царской администрации. Так, в 1890 году Степной генерал-губернатор награждает Абая охотничьим ружьем центрального боя.¹ А в 1897 году при явном попустительстве властей было организовано покушение на Абая одним из старшин Оразбаем. И, наконец, в 1902 году у Абая был произведен обыск, полиция искала революционную переписку.

Своим авторитетом в народе и дружбой с политическими ссыльными (Е. П. Михаэлис, П. И. Долгополз) Абай доставлял беспокойство властям. Ему нельзя было вполне доверять и в то же время его авторитет мог бы

¹ Киргизская степная газета, 1890 г. Приказ генерал-губернатора Фон-Таубе.

быть полезным. Однако Абай держал себя в отношениях с властными независимо и с достоинством и при всех противоречиях его социально-политических позиций оставался одним из самых прогрессивных, передовых общественных деятелей казахского народа. Его прозорливость, умение видеть судьбы казахского народа и вести его по пути прогресса вызывали не раз попытки реакционеров — буржуазных националистов — замазать противоречия и под флагом мнимой национальной самообытности представить патриархально-феодалным певцом.

Благодаря стараниям близких к поэту людей, в особенности его брата Какитая Исхаковича Кунанбаева, уже в 1909 году, через пять лет после смерти поэта, вышла книга его стихов и первая биография, написанная Какитаём Исхаковичем Кунанбаевым.

Но и тогда еще об Абая и его творчестве знали больше из устных передач. И знали, главным образом, в пределах Сары-Арка, в Семипалатинской и смежных губерниях. Но шлы годы, и слава поэта возрастала, распространялись его произведения все шире и шире.

Подлинно массовое, всенародное признание Абай получил в нашу советскую эпоху, когда осуществлены научно подготовленные издания его произведений в 1922 году, 1940 и 1945 годах. Через русские переводы Абай становится известен большинству братских народов нашей страны. Даже старики любят сейчас отсылать к книге, когда спрашиваешь их, не помнят ли они стихов Абая. Стихи — песни поэта, с мелодией его же сочиненная живут и сейчас в народе. Их поют во время игр, празднеств дома, в школе, на собраниях.

Лучшие черты человека нашей эпохи нередко приписывают Абая в своих воспоминаниях люди двух эпох — современники поэта, свидетели гнета царизма и бабьт-ва и сегодняшние герои социалистического строительства, видя в этом осуществление вековых чаяний народа, которые Абай стремился приблизить в свою мрачную эпоху.

Советские поэты, музыканты, деятели театра и кино, воссоздают образ Абая в литературе и искусстве (роман М. Ауэзова «Абай», пьеса М. Ауэзова и Л. Соболева «Абай», опера А. Джубанова и Л. Хамиди «Абай», кино-фильм «Песни Абая»).

Ученые работают над поэтическим наследием великого поэта (Х. Джумалиев «Поэтический язык Абай», статьи и исследования М. Ауэзова, Е. Исмаилова, С. Муканова, Н. Смирновой и др.). Горячо любивший жизнь и все живое, созидательное и творческое Абай верил в торжество человека и его труда. Подобно многим выдающимся поэтам человечества Абай видел в творчестве неумирающий, вечно живой гений.

— Бессмертные слова ты оставляешь миру —

Так можно ли сказать, что тленью предлепись ты? —

писал он в одном из стихотворений.

Любовь и всенародное признание Абая советскими людьми — новое и полноценное звучание его неумирающего слова.



Редактор Жумалиев
Техн. редактор Дж. Бекбаулов
Корректор Н. Шляпина

Подписано к печати 5/II-1949 г. УГ00531. Издат. № 7
Тираж 10000. Объем 2 п. л. Уч.-изд. 1,25 л.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂ г. Цена 1 руб. 20

г. Алма-Ата. Гостипография № 3, Управления Полиграфии и
Издательств при Совете Министров КазССР. Заказ № 71.